

Анатолий Владимирович Черняев - кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН.

У философа Владимира Соловьева есть статья под характерным названием «Когда был оставлен русский путь, и как на него вернуться». Русская мысль всегда была озадачена национальной идеей и исторической перспективой России, но, пожалуй, в наше время эта проблема остра как никогда. Ведь после социальных экспериментов XX века нация так и не удосужилась определиться со своей идентичностью, в последнее двадцатилетие привыкнув просто «по умолчанию» апеллировать к Церкви – символу традиционности, одухотворенности, благословенности... Теперь провозглашен курс на модернизацию, и роль ее «духовной основы» опять же отведена русскому православию, которое само активно «модернизируется» под началом энергичного Патриарха. Таким образом, Церкви предстоит не просто интегрироваться в современное общество, но и вдохновлять его на движение вперед, одновременно продолжая служить стабилизирующим элементом, агентом социальной гармонизации и единства. Может ли Русская Церковь выполнить подобную миссию? И останется ли она при этом сама собой?

Царица наук

Стратегическая задача России – преодоление «проклятия сырьевой экономики» за счет перехода к научно-инновационной «экономике знаний». Какова может быть роль Церкви в этом процессе? По невольной возникающей аналогии с недавним прошлым можно предположить, что, например, богословие займет место приснопамятного диамата и будет преподаваться в качестве универсальной методологии всех наук (помнится, еще у Аврелия Августина был проект «христианской науки»)... Между прочим, некоторые основания для этого существуют: историки науки признают, что в свое время библейский монотеизм имел прогрессивное значение, способствовал новым шагам в осмыслении мироздания. Правда, ответом христианской Церкви на дальнейшее развитие философии и науки стали инквизиция, казуистическая схоластика и цензура, которые достаточно долго служили тормозом научного прогресса.

Как соотносятся теология и наука теперь? Наука развивается путем смены парадигм, когда новые концепции приходят на место старых в процессе приращения знаний. Теологическое мировоззрение устроено противоположным образом. Если наука прогрессивна, направлена на обновление знания, то богословие – ретроспективно, ориентировано на неизменные догматы и данные откровения, навсегда зафиксированного в прошлом. Религия и наука продуцируют совершенно разные типы мышления. Ученый дорожит любым новым фактом; верующий опасается всего нового, поскольку оно способно бросить очередной вызов его вере, иррациональной по своей

природе. Наука может развиваться только в условиях плюрализма и конкуренции идей; религия же всегда претендует на монопольное владение истиной и стремится к исключению идейного плюрализма, в котором справедливо видит угрозу подрыва своих основ. Да, в период расцвета русской науки XIX – начала XX веков некоторые ученые были выходцами из духовного сословия (как, например, химик Дмитрий Менделеев или физиолог Иван Павлов), но им пришлось отказаться от веры, которая плохо сочеталась с научной деятельностью. Догматичность религиозной картины мира уже давно не способна стимулировать креативное научное мышление. Богословие представляет собой чисто спекулятивную теорию, тогда как наука имеет прикладное значение. Ориентация на научно-инновационное развитие требует в числе приоритетных поддержки академической науки и высшей школы, прежде всего – фундаментальных дисциплин, а не культивирования таких псевдонаучных специальностей, как теология.

Вместе с тем вся история свидетельствует, что научно-технический прогресс никогда не случается сам по себе, безотносительно к состоянию общества и его культуры в целом. Развитие науки и техники – лишь одно из следствий длительного и неуклонного увеличения интеллектуального и культурного потенциала нации. Не случайно многие выдающиеся математики и естествоиспытатели известны также своими талантами в гуманитарно-творческой сфере. Ведь искусство, литература, философия – тоже виды познания, которые никогда не стоят на месте, а динамично развиваются, отражают происходящие в мире изменения, являются формой духовного самосознания цивилизации. Увы, Русская Православная Церковь не расположена участвовать в творческих исканиях современной культуры или вести с ней конструктивный диалог. Как известно, ее отклик на знаковые события в мире культуры зачастую выливается в осуждение творческих новаций, попытки диктовать свои условия и инициирование почти инквизиционных процессов против деятелей культуры.

Социальные институты

Еще одна примета развитого современного общества, а заодно и фактор формирования инновационной социально-культурной среды – это высокий уровень общественного самосознания, уважение к личности, действенность институтов гражданского общества. Приходится констатировать, что Церковь никогда не была оплотом демократии и правового государства. В ежедневной пастырской практике она формировала у паствы психологию безграничного смирения, терпения и самоуничтожения. При этом указывалось на то, что в земной жизни надо заботиться не о своих правах и общественной справедливости, а о духовном совершенствовании и подготовке к «будущей жизни». Ведущая мистико-аскетическая доктрина православия – исихазм – основана на принципе внутреннего и внешнего «безмолвия», отказа от слова, являющегося, между прочим, важнейшим инструментом отстаивания своих прав в демократической культуре. Правда, в Церкви присутствует принцип «соборности»: этот атавизм античной демократии сохранился в церковных канонах, но уже давно практически не применяется в Русской Церкви, где безраздельно господствует командно-административная система. С другой стороны, резкие демарши Патриарха Кирилла против либеральных ценностей и прав человека окончательно развеяли иллюзии по поводу «христианского демократизма» в русском православии.

Таким образом, рассматривать Церковь в качестве духовного локомотива модернизации нереалистично. Но можно подумать, что она способна выступить в качестве силы нравственного оздоровления и общественной консолидации, способствующей созданию необходимых условий для уверенного движения вперед. Сегодня в России немало тех, кто полагает, что Русская Церковь – единственная хранительница духовно-нравственных основ и воспитательница патриотизма, что без «возрождения» православной духовности и нравственности не одолеть таких вопиющих проблем постсоветского общества, как демографический кризис, разрушение института семьи, алкоголизм, наркомания, преступность, коррупция, ценностный нигилизм. Насколько оправданны подобные представления?

В действительности соотношение христианской этики с принципами человеческой солидарности совсем не однозначно. Достаточно указать на слова Иисуса Христа, что он принес «не мир, но меч», что он должен стать причиной конфликта родителей и детей, мужей и жен; на слова апостола Павла, что во Христе «нет ни эллина, ни иудея». Христианство – изначально революционная религия, и во имя своих потусторонних целей оно не останавливается перед разрушением естественных человеческих связей: семейных, социальных, национальных. Например: «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19:29).

Что касается патриотизма, то и Новый завет, и патристика свидетельствуют о космополитичности христианства. Можно вспомнить яркие примеры из русской истории, как в период татаро-монгольского ига Православная Церковь призывала повиноваться ханской власти (от которой получала щедрые преференции), как Дмитрий Донской вынужден был обратиться к Сергию Радонежскому, игумену маленького лесного монастыря, потому что никто из вышестоящего церковного начальства не хотел давать благословения на поход против Мамаю.

Видеть в христианстве панацею для решения демографической проблемы современной России – по меньшей мере наивно. Ведь идеалы христианской морали – девство и аскетизм. Как известно из церковной истории, в первые века среди христиан были очень популярны безбрачие и так называемый духовный брак, в результате чего уже тогда заметно снизилась рождаемость. В свою очередь, сегодняшнее снижение репродуктивной активности в развитых странах обусловлено сложным комплексом социальных, экономических, медицинских, психологических, культурологических причин, в ряду которых удельный вес религиозного фактора как такового – самый незначительный. Как показывают исследования социологов, в современных условиях даже среди людей, считающих себя верующими и периодически посещающих церковь, доля тех, кто реально руководствуется религиозными предписаниями в принятии чувствительных для себя решений и при выборе стратегии сексуально-репродуктивного поведения, – ничтожна.

Не внушают оптимизма и плоды влияния православной духовности на традиции хозяйственно-трудовой деятельности русского народа. Если, например, протестантская этика способствовала формированию чувства долга и личной ответственности, ставших

основой последующего экономического процветания протестантских стран Западной Европы, то Православная Церковь неизменно насаждала принципы патернализма, препятствующие развитию личной инициативы, усердия и трудолюбия. И неудивительно, что православные страны – Болгария, Греция, Сербия, Румыния, – несмотря на благоприятные географические условия, на протяжении веков остаются самыми отсталыми во всей Европе.

Совесть нации

Наиболее очевидная роль Церкви в сегодняшней России заключается в том, что она выступает в качестве поставщика православной версии национальной идеи и сама по себе является одним из ключевых элементов социальной мифологии. В этом контексте Церковь предстает как своеобразная «душа народа», как символ исторической преемственности, духовная основа легитимности государства. В связи с этим особое, сакраментальное значение приобретает сюжет, связанный с восстановлением «исторической справедливости» по отношению к Русской Церкви. Масштабный процесс восстановления храмов и монастырей наряду со строительством новых, щедрая передача Церкви недвижимости (в том числе никогда ей не принадлежавшей), предоставление ей всяческих преференций – все это призвано внушать ощущение стабилизации русской жизни, продемонстрировать возвращение на тот самый «русский путь», о котором размышляли знаменитые русские философы.

Увы, этот благодушный оптимизм основан на зыбкой почве. Конечно, в русской истории заметная роль принадлежит Церкви, но это еще не причина, чтобы превращать ее в социальный фетиш. Церковь принимает как должное нынешние преференции, которые, очевидно, призваны служить искуплением страданий, перенесенных ею в XX веке, а заодно – своеобразной индульгенцией для государственной власти за прошлое и настоящее. Однако не стоит забывать, что и сама Церковь нередко заставляла страдать других. Достаточно вспомнить и древнерусских «еретиков», заживо сжигавшихся в срубах по приговорам церковных судов, и масштабные репрессии против староверов, тысячи которых были подвергнуты пыткам, казням, изгнанию при непосредственном участии господствующей Церкви, и насильственное навязывание православия народам Сибири, и монастырские тюрьмы, где томились писатели, ученые, общественные деятели... Разумеется, это вовсе не повод предъявлять претензии сегодняшней Русской Православной Церкви. Но и ей не к лицу спекулировать на прошлом. История – это напряженная драма, которая не терпит упрощений и не укладывается в идеологические схемы. Из истории нельзя вырывать страницы, нельзя ее и «перематывать» назад...

Сегодня Русская Церковь представляет собой архаичный религиозный институт, слабо адаптированный к современной жизни. Правда, предпринимаются определенные усилия в направлении «модернизации» Церкви, которая заключается главным образом в создании нового имиджа при помощи современных PR-технологий. Зачастую это делается ценой попрания моральных устоев православия: если, например, святые отцы осуждали спорт, то нынешние священнослужители его благословляют. Все это делается ради того, чтобы доказать значимость и необходимость Церкви для современного общества. Однако в действительности все наоборот: не общество нуждается в Церкви, а

Церковь – в поддержке обществом самого своего существования. В этом отношении Русскую Православную Церковь можно сравнить с египетскими пирамидами, которые почтительно сохраняются и оберегаются за счет общества, хотя давно уже не играют своей реальной, первоначальной роли в жизни этого общества.

Вполне понятна позиция тех, кто делает ставку на Церковь, которая сулит и ответы на все вопросы, и распростертые «объятия Отчие». Но нет ли в этой ностальгии по интегрizmu, в этой надежде разом обрести инстанцию, которая обладает и рецептом смысла жизни, и панацеей на все ее случаи, – примет незрелости, наивного детского расчета спрятаться от проблем? Ведь легче получить «истину» в готовом виде от Церкви, чем самостоятельно идти трудной дорогой познания; легче слушать рассказы о будущей жизни, чем стремиться изменить жизнь настоящую; легче уповать на Господа Бога, чем спрашивать с себя. Попытки в XXI веке использовать архаичный религиозный институт в качестве универсального средства социальной терапии трудно истолковать иначе как признак регрессии такого общества – того, что в психологии раскрывается как инфантилизация, болезненное стремление вернуться к уже пройденным стадиям развития из-за неудач на пути вперед. Но регрессия – всегда самообман, она не решает, а лишь умножает проблемы, ибо, пока мы регрессируем, жизнь идет дальше. И уж точно – регрессия несовместима с модернизацией. Уповать сегодня на Церковь в качестве «духовной основы» модернизации – все равно что вести современную войну, вооружившись таким же копьем, каким сражался со змеем святой Георгий Победоносец.